

Потеря государственной стипендии для особо одаренных студентов стала для Фан Синхэ ударом, выбившим последний краеугольный камень из-под ног — ведь он и так едва удерживал равновесие на своем нелегком пути. Эти деньги были не просто гарантией оплаты обучения в следующем семестре, они служили основным источником средств на дорогостоящие лекарства для матери, страдающей от ревматизма, и были единственной реальной опорой их общего будущего. Внезапное крушение надежд принесло не только колоссальный финансовый гнет, но и тупую, ноющую боль от осознания того, как безжалостно растоптаны его убеждения.

У Фан Синхэ не было времени утопать в отчаянии или гневе. Реальность, подобно ледяному приливу, стремительно сковала его по щиколотку. Ему нужно было немедленно действовать, искать новые источники дохода.словно запертый зверь, загнанный на край пропасти, он с удвоенным рвением бросился искать подработку.

Днем он метался между закусочными, круглосуточными магазинами и агентствами по подбору репетиторов, раздавая резюме, хотя прекрасно понимал: доходы от такой случайной занятости не покроют и малой части того, что давала стипендия. По вечерам ему приходилось тратить остатки сил на работу в баре Призрак — месте, которое вызывало у него отвращение, но предлагало относительно высокую почасовую оплату. Он надеялся, что, работая сверхурочно и стараясь получить побольше чаевых, сможет хоть как-то сводить концы с концами.

Усталость достигла предела. Дневная учеба и поиски работы, ночное напряжение и шум бара, постоянная настороженность — время на сон сократилось до ничтожного минимума.

Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, а вес незаметно таял. Но выбора не было — приходилось стиснуть зубы и терпеть.

Однако судьбе, казалось, было мало тех испытаний, что она уже обрушила на него. Не прошло и недели после инцидента со стипендией, как последовал новый, еще более прямой удар.

В тот вечер Фан Синхэ, как обычно, пришел в бар Призрак за полчаса до начала смены. Переодевшись в тесную черную униформу, он стоял перед мутным зеркалом в комнате отдыха, пытаясь разгладить лицо и спрятать дневную тревогу и изнеможение за привычной маской профессионального спокойствия и равнодушия.

Только он успел застегнуть последнюю пуговицу, как дверь отворилась и вошел старший смены, Ли. Его лицо, обычно расслабленное, было непривычно напряженным, в глазах читалась какая-то суетливость, и он старался не встречаться с Фан Синхэ взглядом.

— Синхэ, пришел? Не спеши выходить, зайди-ка ко мне в кабинет, нужно кое-что обсудить, — тон Ли был неестественно вежливым, и сердце Фан Синхэ мгновенно сжалось от нехорошего предчувствия.

— Хорошо, господин Ли, — тихо ответил он, чувствуя, как внутри нарастает холод.

Он проследовал за Ли в тесный кабинет менеджера, заваленный кипами бумаг и счетами. Ли не стал, как обычно, вальяжно опускаться в кресло, а с некоторым смущением указал на стул напротив:

— Садись, присаживайся.

Фан Синхэ не сел. Он молча замер перед столом, опустив руки и слегка сжав их в кулаки:

— Господин Ли, давайте сразу к делу.

Ли потер руки, на его лице отразилось замешательство. Он вздохнул, подбирая слова:

— Синхэ, ты здесь работаешь уже довольно давно. Я видел, как ты рос: от новичка, который ничего не умел, до старательного работника, на которого можно положиться. Ни одного промаха, я всё это вижу, правда.

Он замолчал, а затем сменил тон:

— Но понимаешь... В последнее время руководство, ну, головной офис, внесло коррективы в стратегию развития. Говорят, наш Призрак должен стать более элитным, выйти на международный уровень, повысить качество обслуживания и... скажем так, сменить имидж.

Сердце Фан Синхэ провалилось в бездну, словно его придавило огромным валуном. Он уже догадывался, что прозвучит дальше.

— Поэтому, — Ли отвел взгляд от Фан Синхэ и уставился в бумаги на столе, — наверху решили, что имидж нашего персонала должен соответствовать новым стандартам. Важно не только хорошо обслуживать, но и чтобы внешность, манеры — все это гармонировало с позиционированием бара. Нужно больше солидности, зрелости, ну, такого... международного лоска.

Он поднял глаза, на секунду метнул быстрый взгляд на Фан Синхэ и тут же отвел его, произнеся с фальшивым сожалением:

— Понимаешь, Синхэ, к твоим рабочим навыкам претензий нет, все это видят. Но вот... скажем так... в тебе все еще чувствуется эта студенческая простота. Это немного не вяжется с тем образом, который мы хотим создать. Поэтому руководство приняло решение... надеюсь, ты поймешь... для тебя здесь больше нет подходящей вакансии.

Не соответствует имиджу? Не тот уровень? Слушая этот абсурдный довод, Фан Синхэ почувствовал, как волна унижения, гнева и ледяного отчаяния, подобно лаве, ударила в голову.

Он вспомнил, как в первые дни работы А-Цзе в шутку сказал, что его приятная внешность — это преимущество. Как же вышло, что теперь это самое преимущество стало поводом для увольнения? Этот предлог был еще более нелепым и циничным, чем невнятные жалобы при отмене стипендии!

В голове бешено пульсировала мысль: это Хо Чжао! Обязательно он! Это он все подстроил! Сначала лишил стипендии, а теперь перекрывает кислород здесь! Хочет загнать меня в угол! Хочет, чтобы я склонил голову!

Он едва сдерживался, чтобы не закричать, не спросить в лицо: это господин Хо приказал вам так поступить? Сколько он вам заплатил?

Но остатки рассудка, словно тонкая нить, удерживали его от необдуманного шага. Он закусил губу так сильно, что во рту появился отчетливый привкус крови.

Спрашивать бесполезно. Ли — лишь исполнитель, марионетка, а истинное решение принимал тот человек, что возвышался над всеми.

Устраивать скандал — значит лишь выставить себя на посмешище, не добившись ничего, кроме еще более жестокой мести.

Он сделал глубокий вдох. Воздух показался ледяным, пронизывающим до самого сердца. Он заставил себя успокоить бешено колотившееся сердце и, собрав все силы, произнес, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Господин Ли, я понял. Вы хотите сказать, что я уволен?

Ли засуетился, замахав руками:

— Ну зачем так грубо... Просто бар меняет формат, и ты больше не вписываешься. Насчет зарплаты за этот месяц не переживай, я прослежу, чтобы бухгалтерия выплатила все до копейки. И еще я накину тебе оплату за неделю — в качестве компенсации за твой труд, от чистого сердца.

Фан Синхэ больше ничего не сказал. Он молча опустил голову и начал расстегивать пуговицы на черной униформе.

Его пальцы побелели от напряжения, но движения оставались точными. Одна, вторая... Аккуратно сложив снятую форму, он положил ее на пустой стул рядом, словно совершал какой-то торжественный обряд.

Затем он подхватил свой старый, застиранный рюкзак и закинул его на плечо.

Он поднял голову и в последний раз окинул взглядом место, где проработал несколько месяцев, место, которое ненавидел, но которое было его единственной кормушкой. Его глаза скользнули по лицу Ли, полному фальшивого беспокойства.

— Спасибо, господин Ли, за то, что присматривали за мной все это время, — произнес он ровным, лишенным эмоций голосом, развернулся и, не оглядываясь, вышел из этого душного кабинета.

Стоило ему толкнуть тяжелую заднюю дверь бара, как ночной прохладный воздух мгновенно окутал его.

Улицы сияли неонам, поток машин не иссякал — город жил своей шумной, роскошной жизнью, которая теперь казалась невыносимо далекой и чужой. Фан Синхэ стоял на углу, отрешенно глядя на движущиеся огни, чувствуя, как из него выкачали все силы.

Удары, обрушившиеся один за другим, словно тяжелые дубины, оглушили его, погрузив в состояние нереального оцепенения.

Стипендии нет. Работы, на которую он полагался, тоже нет. Все источники дохода были перерезаны одновременно, точно и холодно.

Неужели это... и правда просто совпадение?

<http://bllate.org/book/19580/1920032>